

ТЕМА НОМЕРА

Каланча в Майкопе

РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ

20
Виктор Васильев
Республика Адыгея

23
Игорь Попов
В сердце республики.
Майкоп и Адыгейск

28
Царство дольменов
и курганов

32
Сергей Трепет
Солнечная Адыгея

РОССИЙСКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель: ЗАО «ВИТЯЗЬ»
Издатель: ООО «ВИТЯЗЬ-М»
Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации № 019077 от 8.07.1999 г.

Главный редактор
Виктор Юнак

Заместитель главного редактора
Игорь Попов

Редакционный совет:

ВЕДЕНИН Юрий Александрович,
доктор географических наук,
директор Института культурного
и природного наследия

ЗОРИН Игорь Владимирович, ректор
Российской международной академии
туризма, доктор педагогических наук,
профессор

КАСИМОВ Николай Сергеевич,
академик РАН, доктор географических наук,
декан географического факультета МГУ,
вице-президент РГО

МЯСНИКОВА Ольга Петровна,
коммерческий директор
издательского дома «Витязь»

НИЗОВЦЕВ Вячеслав Алексеевич,
кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник
Географического факультета МГУ

ЩЕГОРЦОВ Александр Александрович,
доктор социологических наук,
помощник заместителя Председателя
Совета Федерации

ЮНАК Виктор Васильевич, членкор РАЕН,
генеральный директор ООО «Витязь-М»

Коллектив редакции:
Зав. издательским центром

М. Денисенко

Отдел рекламы

О. Мясникова, О. Нестерова

Отдел распространения и маркетинга

Е. Юнак, И. Юнак

Литературный редактор

А. Корзарова

Дизайн, верстка, цветоделение

Н. Зубковой

Формат бумаги 60×90¹/₈.
Печать офсетная. Тираж 6000 экз.
Бумага мелованная. Отпечатано
в типографии «МедиаГранд», г. Рыбинск

Адрес редакции:

129085, Москва, ул. Б. Марьинская,
д. 7, корп. 1

тел./факс: (495) 687-29-07;

тел.: (495) 687-05-17;

отдел рекламы: (495) 687-05-46

e-mail: vipress@rambler.ru

Ответственность за достоверность
рекламных объявлений несет
рекламодатель.

© Макет – ООО «Витязь-М»

© Оформление рекламных объявлений
и содержание – журнал «Живописная Россия».
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Электронная версия журнала:

www.travel.ru

Наш сайт: www.vipress.ru

Цена договорная

Фотоматериалы, полученные
от авторов, редакция может
использовать по своему усмотрению.

На 1-й стр. обложки: Хаджохская теснина
на р. Белой. Фото А. Елисеева

Титул вкладки: Гора Оштен

Река Пинега

14 мая 1983 г. в Ленинграде умер писатель Федор Абрамов (1920–1983), один из наиболее ярких представителей «деревенской прозы».

«Все в искусстве рождено из страдания»

Федор Абрамов

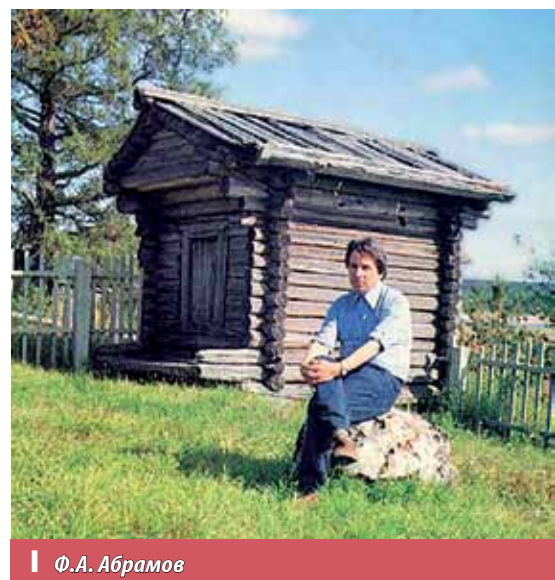
От главной карпогорской трассы до Верколы чуть более трех верст. Что три версты для северной сторонки? Так себе, пустяк дорожный. Тут пути-дороги сотнями верст меряются! Бескрайний лес, потаенные лесные речушки, словно выскочившие навстречу путнику во всей своей неброской красе, верховые болота с десятком-другим заглубивших от сырости сосен молчаливо взирают на путника своей призрачностью бытия. Русский Север! Да как его не любить? Побывав раз, непременно потянет сюда еще и еще, покуда весь не объедешь, и не заглянешь в каждый уголок безмерной власти северного простора.

Пока добираться до Карпогор, не единожды покажется тебе извилистой змейкой замысловатого русла река Пинега, отражая в своем зеркале холодных вод низкое небо. Архангельский поезд до Карпогор будет неспешно тянуться, будто бы подкрадываясь к чему-то таинственному и неизведанному, оступаясь на стыках рельсов, постукивая, словно вспоминая дорогу или приличая обратный путь. Редкие полустанки, как маячки, будут мелькать на пути, заглядывая в оконца и вновь уплывая прочь, словно и не было их вовсе.

Майская пора на земле Архангельской — это то время, когда природа, едва сбросив снежные оковы, дышит полной грудью светом белых ночей. Когда первые караваны перелетных птиц

возвращаются на вымученную лютыми морозами северную сторонку. Природа в эту пору еще вздрагивает от студеной северной ветры, боясь выпустить на свет божий первую робкую зелень. Лишь верба осмелела — барашки-пуховички выдала.

Дороги — едва подправившись от распутицы, впитали в себя воду безразмерных луж, которые в самую их пору, как ни старайся, не объедешь.

Ф.А. Абрамов

Кое-где, в распадках, защищенный от тепла, еще лежал последний, не прибранный весной, снег.

...Глубинная Россия. Это та, до которой рукой не достать, а нужно ехать-добираться, преодолевая версты-дороги-перепутья. А очень хотелось взглянуть на этот край, о котором так вдохновенно писал и говорил на весь мир замечательный русский писатель — Федор Александрович Абрамов. Это сейчас поезда-самолеты лихо нагоняют время пути, а тогда, в добрую старину, не скоро до этих мест доберешься.

Веркола. Что сразу видишь и на что обращаешь внимание, как только оказываешься здесь, так это дома пяти-, а то и шестистенки, выстроенные на северный манер, высокие, кряжистые, со двором во весь размах, да так, чтобы все было под одной крышей. Широкая проселочная дорога, плавно взбирающаяся на угор, увлекает за собой домишки на крутояр. А те домишки, что взобрались на самую высь, словно оторвались от главной улицы и смотрят на нее свысока, своими глазами-оконцами. Неяркая краса выцветшего со временем бревна, потрескавшегося снаружи, но еще крепкого, как кремль, внутри. Постучишь кулаком по такому бревну, а оно гулким стоном отдаст — знать, еще постоит не один десяток годков.

Дома веркольские «на полшага» друг за дружкой стоят, так, чтобы улицу не заслонять своей богатырской громоздкостью, словно отступают друг перед другом. Зайдешь в такой дом и тотчас ощутишь всю его мощь и грандиозность этой северной постройки, в которой собственно жилая изба занимала лишь самую малую долю от всего дома. Не сразу взглядом осилите все убранство постройки. Нужно вдоволь походить по ней — настолько она необъятна. Это о таких домах писал в своей повести «Деревянные кони» Федор Абрамов: «Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нем было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них еще сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да поветь саженой семь в длину — на нее, бывало, заезжали на паре, — да внизу, под поветью, двор с разными стайками и хлевами...».

Много северных домов видел я, но здесь, в Верколе, они по-особому слажены. Глядишь на такой дом, а он словно на тебя смотрит. Нахлобучился скатом крыши, хоронит взгляд в малых оконцах, горд и суров, как сама северная земля, как студеной река Пинега. А переступишь порог такой избы, то непременно ощутишь добрый уют домашнего очага. Шагнешь через

Старинный веркольский дом

порог, поклоняешься — низко вырублена дверь, так тепло в старину берегли. А уж коли прошел в избу — во весь рост распрямляйся!

У многих домов со временем первые венцы на землю легли — даже камень, что служил опорой срубу с годами в землю вдавило. Большинство изб, как и в добрую старину, без палисада стоят, ну а если и есть забор, то чисто символический, как говорится, «от ненужных хлопот», чтоб, к примеру, коровенки на усадьбу не забрели. Заприметил я в Верколе еще одну особинку — палочки-приставки. Приставит хозяин такую палочку к входной двери — вот тебе и знак того, что дома нет никого. До сих пор многие избы тут ключа не знают! Причем попадались мне такие приставочки и на тех домах, что не один годок коротают свой век без хозяина. И в каждой такой избе сокрыта своя тайна жизни. Радость и горе, невзгоды и печали, тепло домашнего очага делили избы со своими хозяевами. Тяжело взирая на окна, заколоченные досками, зная наперед, что уж никто не вернется боле в этот обреченный дом.

До Абрамовского дома от деревенской площади рукой подать — под горочку до самого абрамовского угора. Так уж сложилось на Верколе, что фамилии жителей давали названия ее сторонкам. И не случайно! «Кустами» тут жили, и все носили одну фамилию! Подошел к памятнику защитникам Отечества-веркольцам, что установлен в центре деревни. Прочел фамилии. Одних только Абрамовых насчитал 38, из которых 17 полегли на полях сражений. А есть еще Минины, Ставровы, Федоровы, Яковлевы, словно семьями уходили на фронт. Да и сегодня фамилия «Абрамовы» одна из самых распространенных на Верколе.

Родительский дом Федора Александровича, в котором родился будущий писатель, также стоял на угоре, совсем недалеко от теперешнего летнего домика писателя. Только улицу перейди. Давненько уж нет этого дома. Пустует усадьба. И лишь чудом сохранившиеся зимняя изба помнит тот родовой корень Федора Александровича. Не случайно тянулся к этому родному местечку писатель, все присматривал — да прилаживал, где ему свой собственный домишко поставить. Вот и привела судьба вновь Федора Александровича на самый угор, где играют лихие ветры с Пинеги, где простор на всем огляде.

Вместе с Александрой Федоровной, кстати тоже носящей фамилию Абрамова, чей дедовский дом стоял бок о бок с родительским домом Федора Александровича, идем по абрамовскому пещищу-сторонке. Дедовский дом и сегодня на прежнем месте. Увенчанный деревянным конем, словно застывший богатырь. Время сохранило этот дом таким, каким он был в пору детства Федора Александровича.

— Дом родителей Федора Александровича стоял прямо на этом месте, — указывает рукой на пустоту усадьбы, заросшей сором. — А вот зимняя изба уцелела. Высокий угор был любимым местечком Федора Александровича. Смотрите, какой огляд на Пинегу. Все это Федор Александрович видел с самого раннего детства. Ведь для него понятие дом не ограничивалось четырьмя стенами. Дом для Абрамова — это природа Пинеги, окрест Верколы. Сколько добрых слов сказал он о ней в своих произведениях. Вот и лиственница, что растет на взгорье, «шагнула» в творения Федора Александровича. Помните,

Дом, в котором создавался роман «Братья и сестры»

роман «Братья и сестры» начинается именно с «пекашинской» лиственницы.

Не преминул я вновь раскрыть страницы первого романа известной абрамовской тетралогии. «Пекашино распознают по лиственнице – громадному зеленому дереву, царственно возвышающемуся на отлогом скате горы».

– Лиственницу эту когда-то посадил мой прапрадед, – продолжает Александра Федоровна. – В знак благодарности, что живой с русско-турецкой войны вернулся. Ей сейчас где-то годков под 140 будет. Много повидала на своем долгом веку эта лиственница, сколько холодных северных ветров выдюжила. Не счесть! Помнит она и детвору абрамовской поры, что споро забирались на ее густую крону. Под свою крону и приняла она Федора Александровича на вечный покой холодным майским днем 1983 г. – от лиственницы до его могилки один шаг.

Оно и впрямь верно будет, то, о чем писал Федор Абрамов, то, чем жил, с тем и остался навечно, незримо присутствуя в каждой частичке этой северной сторонки. Шумит своей кроной «пекашинская» лиственница, разговаривая с ветром да с березками и осинками, что поднялись в полный рост на абрамовской усадьбе. Не понять нам, людям, их разговора. О чем их беседа? О чем ведают друг друга? Уж не о том ли, как строился усадебный домик писателя. О том, как встречали Федора Александровича каждый год и были свидетелями его веркольской жизни, и как подходил он к молодым березкам, меряясь плечом, отмечая при этом прибавку в росте. И конечно же о том, как людское море провожало Федора Абрамова

в последний путь, и о том, как кружили журавли над еще не укрытой землицей его могилой, и как плакал Василий Белов, провожая из земной жизни своего близкого друга.

Абрамовский дом. Крохотная изба в три оконца. Продуваемая ветрами со всех сторон. И те абрамовские безрезки уже давненько переросли абрамовский дом и по весне одаривают изумрудом зелени, а осенью, словно плача, осыпают свой золотой наряд на угор, на могилу писателя.

Когда-то на этом месте стоял старенький домишко. Теперь о том времени, что усадьба на себе не один век людскую жизнь «держала», напоминает старый, в тринадцать венцов, рубленый амбарчик. Неказистый с виду, он, ладно сбитый, стоит на усадьбе, словно страж времен. «В амбаре жизнь моих предков», – говаривал Федор Александрович, глядя на амбарчик, притулившийся в углу усадьбы, при этом отмечая все предложения о его сносе. А вот купленный усадебный дом с самого корня перебрал. На усадьбе баню построил. В «лапу» срубил. «Моя баня светит, как солнышко», – любил говорить гостям Федор Александрович. Впрочем она и сегодня, спустя не одно десятилетие со дня своей постройки, крепко держит на своем бревне солнечный свет.

Не велик абрамовский дом, но уютен. Заглянул я в него вместе с Владимиром Михайловичем – родным племянником писателя. Его руки этот дом возводили. Федор Александрович строг в характере был.

– За всю стройку в ответе я один и был, – вспоминает Владимир Михайлович. – Чуть что напорочат

плотники, от Федора Александровича мне нагоняй. Спрашиваю его: «Почто меня-то ругаешь, то ведь не моя оплошность-то?» А он мне со всей строгостью своего взгляда в ответ: «А кого же ругать-то за ошибки, если не тебя! Начни ругаться на мужиков! Они топоры покидают и уйдут. А ты не бросишь, ты свой».

Переступили порог дома. Терраса, превращенная супругой Федора Александровича – Людмилой Владимировной – в кухню. Далее дверь в избу. Коридорчик, и вот она комната. Здесь все сохранено так, как и тогда, при жизни Федора Александровича. Пара кроватей, кресло и, конечно, стол. У левого угла от двери печка-столбик. Даже абрамовский телевизор «Рекорд» сохранился. Федор Александрович был заядлым болельщиком.

Не просторна комната, а все в ней было. Тут и отдыхали, и встречали гостей, здесь беседовали за обеденным столом и, конечно же, эта комната служила рабочим кабинетом Федора Александровича. Здесь создавались многие произведения последних лет. Рассказы, статьи, короткие рассказы из цикла «Трава-мурава». Тут писатель работал над главами романа «Дом» – последнего романа из тетралогии «Братья и сестры», которому Абрамов отдал более двадцати лет своей жизни.

Символично, что роман «Дом» создавался именно в годы, когда Федор Александрович возводил свое собственное веркольское пристанище на высоком угоре. «Волнами, пестрыми табунами ходит разнотравье по лугу..., а за лугом поля, Пинега, играющая мелкой серебристой рябью, а за Пинегой прибрежный песок – желтая, белые развалины монастыря, красное щелья и леса, леса – синие, бескрайние, до самого неба...», – так описывал Федор Александрович то, что окружало его усадьбу.

Выйдя из дома, присели с Владимиром Михайловичем за столик, что смастерен под самыми абрамовскими березами. День уже давно отступил перед белой ночью. На Пинеге играла ветреная зыбка, и даль заволкло легкой дымкой позднего предвечерья.

– И родился дядька в високосном 20-м, да еще и 29 февраля, что не каждый год в календаре увидишь. Может быть, и жизнь у него была такая адская, словно по минному полю шел всю жизнь! Прямым был. Не любил вокруг да около, вкось да вкривь. Скажет, как отрубит. Только прямую линию в жизни правил. Боялись его! Словно взглядом своим спрашивал: «А ты что полезного в жизни сделал?».

Владимир Михайлович замолчал. Было хорошо слышно, как шумит ветер в кронах берез, и как переговариваются бабы на той стороне улицы, улаживая что-то свое.

Могила вся в цветах. 14 мая – день памяти Федора Александровича. Каждый год служат на ней литию, поминают с поклоном.

– В молодости я джуге на дядьку походил, – вновь проговорил мой собеседник, словно обращаясь к одиноко стоящему на усадьбе дому. – Даже за сына признавали.

От себя скажу, что и в свои зрелые годы Владимир Михайлович очень похож на своего знаменитого родственника. Те же черты лица, та же походка, даже взмах руки абрамовский. Да и ростом подстать Федору Александровичу.

– Вспылывив был. Многим это не нравилось. Труженика уважал. Приедет в Верколу и все к людям, к сельчанам спешит.

Владимир Михайлович замолчал. Вновь тишина накрыла нас. Печальное постанывание куличков на береговых отмелях, да пронзительный свист утиных крыл над нашими головами. Новины уже давненько превратились в луговой самосад, и ровная очерченность полей лишней раз говорит о том, что когда-то и их касался плуг пахаря.

– Рыбалку очень любил. Бывало, уходили с ним на лодке подалее, вон за ту излучину реки, – Владимир Михайлович показал рукой на дальний речной оком, где русло, вильнув в сторону, терялось среди прибрежной растительности, и уже река вовсе не угадывалась в своем течении. – Ходок-то он был не очень. Слегка прихрамывал – тяжелое ранение давало о себе знать. В бане, когда вместе мылись, видел я его шрамы, что война поставила! На правой ноге аж плоть вырвана

была. Едва ему тогда в госпитале ноги сохранили. Пожалели его молодость! Да и после боя дядьку-то в мертвые определили. Уже хотели похоронить в братской могиле. Да застонал он – кто-то из бойцов по неосторожности плеснул горячим на лицо. Так и заметили его. А потом госпиталь в блокадном Ленинграде, эвакуация по дороге жизни, и служба в СМЕРШе.

Слушал я рассказ Владимира Михайловича и думал о том, как все же мало отпустила судьба Федору Абрамову. Всего-то 63 года. Но сколько всего влелось, уместилось в этих чуть более шести десятилетий человеческой жизни. Безотцовщина – Федору было всего лишь два годика, когда умер его отец – Александр Степанович. Мать – Степанида Павловна, как могла, тянула большую семью. Ведь старшему сыну Михаилу было всего 17 лет. И вытянула! Да еще как! На среднем счету была семья Степаниды Павловны. Уважение к матери Федор Александрович пронес через всю свою жизнь. Недаром в его квартире находился большой, рисованный на холсте, портрет матери. И всякого, кто приходил в гости, первым делом встречала Степанида Павловна.

«Взрослое детство», война, ранения, учеба в университете, наука и наконец-то литература, которой он сполна отдал чуть более четверти века, писав все эти годы лишь про одну деревню – Пекашино-Верколу, выписывая образы своих героев из хорошо знакомых ему односельчан. Недаром говорил Федор Александрович, что на севере долгого солнца нет. Тут от людей свет! И эти яркие человеческие судьбы, подмеченные писателем, словно кирпичик на кирпичик ложились в его многочисленные рассказы, повести и, конечно же, в роман-тетралогию всей его жизни «Братья и сестры». И его не

законченная «Чистая книга», как лебединая песня, как клик позднего осеннего журавля, добирающего путь до далеко умчавшегося косяка. Постигание высшего смысла предназначения человека на этой земле – вот о чем все произведения Федора Абрамова.

Долго мы с Владимиром Михайловичем просидели за разговорами. Еще не поднялись в клумбах цветы космеи, – так любимые Федором Александровичем. Нехитрые в своей красе, неброские в цвете. «В неброском цвете и красоты больше», – сказывал Федор Александрович. До сих пор края клумб выложены валунами, которые сам Федор Александрович приносил на усадьбу. Все также стоит на усадьбе лиственничный пенек – чурка, подарок рабочих лесорубов из Суры. И присев на нее, все так же хочется подсчитать ей годки, да вот только постоянно сбиваешься со счета – уж больно тяжела в прочтении эта мудрость природы. И стоит теперь рядом с этим памятником природы каменная свеча памятника великому писателю земли северной. Словно застыло в скорби пламя, остановив счет времени. И поклонный крест высветился в этом каменном свечении. И лежит ныне Федор Абрамов на высоком угоре, как тот партизан из рассказа «Могила на Крутояре», «и за соснами полыхал багряный закат – казалось, сама Вселенная склонилась свои знамена над нашим крутояром...»

А в тот вечер до самой полуночи под белую ночь и поздний багряный закат мы еще долго бродили по Верколе, от местечка «Прокишино» до самой Красной горки, в сопке которой словно застыла заря. Останавливались у старых домов, всматриваясь в их серость времен, отразившуюся на стенах, разговаривали, и наше слово катилось эхом по угору, замирая в раздольном

Амбарчик

Даже в пасмурный день стены баньки золотом отдают...